

Научная статья

УДК 94(57)+323.2+316.4

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-144-155

Сталинская «революция сверху» или радикальная этатизация раннесоветского сельского социума? К переосмыслению подходов

Евгения Андреевна Игнатьева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

evgandreevna97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6944-2216>

Аннотация

«Революция сверху» в СССР как широкомасштабный социально-политический эксперимент продолжает требовать своего теоретического осмысления. В публикации предлагается рассмотрение данного феномена комплексно, через опыт его изучения в зарубежных и отечественных социально-гуманитарных науках. Сделан вывод о том, что «революция сверху» являлась логическим завершением шедшего с 1917 г. всеобъемлющего процесса этатизации социума. Форсированная и мобилизационно осуществленная этатизация социума на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. при использовании партийным государством радикализма в политической и социально-экономической сферах вызвала ответную радикализацию позиций и действий со стороны прежде всего сельского социума. В статье с использованием в том числе регионального материала установлены деструктивные последствия данного способа преобразования социума.

Ключевые слова

СССР, сталинизм, коллективизация, «революция сверху», этатизация, радикализация, кризис легитимности

Для цитирования

Игнатьева Е. А. Сталинская «революция сверху» или радикальная этатизация раннесоветского сельского социума? К переосмыслению подходов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 144–155. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-144-155

Stalin’s “Revolution from Above” or the Radical Etatization of the Early Soviet Rural Society? To Rethink Approaches

Evgeniya A. Ignatieva

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

evgandreevna97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6944-2216>

Abstract

The concept “revolution from above” as a large-scale socio-political experiment demands a nuanced theoretical understanding. This article examines a model that provides a comprehensive analysis of this experience through the lens of social and humanities sciences. The “revolution from above” was an ambitious project that was realized from a “seeing like a state” perspective. However, it led to destructive consequences for both society and the system as a whole. The study highlights several “traps” encountered during the implementation of “socialist transformations”, such as limited transformations, lack of necessary financial resources, normalization of emergency measures, limited potential, unintended consequences. These factors played a pivotal role in the negative effects observed. To explore the

© Игнатьева Е. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 144–155

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 144–155

transformation of rural Soviet society at the turn of the 1920s – 1930s, the article proposes a model of radical etatization. It concludes that the “revolution from above” was a natural culmination of the comprehensive process of etatization that had been underway since 1917. The forced and etatization of society during this period was executed by the party state through radical measures in both the political and socio-economic spheres. Consequently, this provoked a corresponding radicalization of positions and actions from rural society. The radical etatization project in rural areas was characterized by significant social conflict between the interests of the party state and those of early Soviet society. This article, which incorporates regional examples, delineates the destructive consequences of such societal transformations.

Keywords

USSR, stalinism, collectivization, “revolution from above”, etatization, radicalization, legitimization crisis

For citation

Ignatieva E. A. Stalin’s “Revolution from Above” or the Radical Etatization of the Early Soviet Rural Society? To Rethink Approaches. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 144–155. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-144-155

Кампания по «сплошной коллективизации» отечественной деревни, получившая в дискурсе эпохи именование «революции сверху» (Краткий курс, 1946, с. 290) затронула фундаментальные основы жизнедеятельности раннесоветского социума, став ключевой составляющей глобального процесса социоструктурной трансформации в стране в последующие десятилетия.

«Революция сверху» – эвфемизм эпохи, посредством которого большевики перерабатывали реальность. Данная формулировка транслирует масштабность и прогрессивный характер осуществлявшихся властью преобразований в деревне, все тенденции которых будто бы формировались «снизу», получив поддержку и опору «сверху». Однако при анализе политической практики большевиков накануне и в ходе реализации «революции сверху» устанавливается, что ни о «революции», ни о «поддержке снизу», ни о «единстве сверху» речи быть не может. Об отсутствии поддержки «снизу» свидетельствуют материалы партийно-государственного делопроизводства о протестах в деревне (Трагедия, 2000; Советская деревня, 2000; 2003)¹; в публичном поле обнаруживаются декларации о развернувшейся «классовой борьбе» и «бешеном кулацком сопротивлении» и т. д.

Проблема сопротивления деревни «революции сверху» обстоятельно освещена в работах отечественных и зарубежных исследователей [Виола, 2010; Ивницкий, 1994; 2000; Тепляков, 2020; Фицпатрик, 2001]; об отсутствии консолидации «сверху» свидетельствует внутреннее партийное, советское и чекистское делопроизводство, сохранившее информацию о противоречиях и спорах различных политических акторов внутри системы (Коллективизация, 2009), эта проблема нашла отражение и в исследовательской литературе [Озерова, 2004]. Об отсутствии революционного компонента в преобразованиях данного типа, носивших мобилизационно-охранительный характер, – далее в тексте.

Спорным является анализ подобных преобразований с модернизационной точки зрения, популярной в современных исследованиях [Дудник, 2019; Данилов, 2011; Сенявский, 2001; Кара-Мурза, 2004] (подробнее об уязвимости данной концепции – далее).

Под модернистскими лозунгами «социальной реконструкции» деревни и «коллективизации» реализовывался масштабный процесс этатизации сельского социума, являясь частью трансформации утверждавшегося в стране сталинского режима. Деревня тем самым переводилась на новый тип хозяйствования, крестьянство как социальная общность заменялось новой – сельским пролетариатом. Эти процессы призваны были ликвидировать слабость политической власти большевиков в деревне, расширить социальную базу режима, дать ресурсную возможность для реализации форсированной индустриализации.

Для нашего исследования важнейшее концептуальное значение имеет вклад американского исследователя традиционных обществ в XX в. Дж. Скотта в разработку данной тематики.

¹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 13, 17, 17а, 17б, 17в; Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 846; Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7; Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 408, 1224.

Ученый на значительном массиве материалов компаративного характера проанализировал опыт реализации «благих намерений» (преобразований «сверху») тем или иным государством по отношению к обществу при его переходе от традиционного к современному. Его подход и методы анализа такого рода социальных процессов стадийного характера актуален и для раннесоветского общества. Коллективизация советского сельского хозяйства характеризуется автором как чрезвычайный, но показательный пример деструктивного по своим целям и результатам авторитарного высокомодеิร์นистского планирования [Скотт, 2005, с. 318]².

Дж. Скотт показал, что сталинские «преобразования» сопровождала особо губительная комбинация из трех элементов: административное рвение; безудержное использование власти современного государства как инструмента для реализации этих проектов; ослабленное, обессиленное гражданское общество, которое не имеет возможности сопротивляться претворению подобных планов в жизнь [Там же, с. 151]. В оригинальном издании монография называется «Seeing Like a State», что более адекватно отражает замысел автора и смысл его исследований, поскольку государственные институты оказываются акторами преобразований и основными его бенефициарами. В нашем исследовании для изучения процесса трансформации советской деревни на рубеже 1920–1930-х гг. предлагается сходная с этим модель радикальной этатизации сельского социума.

Советский модернизационный «рывок» приобрел доктринальную, идеократическую окраску в виде плана построения «социализма в отдельно взятой стране». Он предполагал осуществление форсированных социально-экономических преобразований, осуществляемых по некапиталистическому пути и в экстремальных внешних условиях враждебного окружения («СССР – осажденная крепость»). Такого рода программа как раз предусматривала в своей реализации слитность трех основных компонентов сталинской системы – идеократия, мобилизация, охранительность, «точкой сборки» которых выступило именно партийное государство, выстроенное как централизованная сила, способная к осуществлению широкой массовой социальной мобилизации с применением охранительно-репрессивного сопровождения «строительства социализма».

«Революция сверху» – это большое социальное действие, со всеми вытекающими из этого последствиями (в том числе непреднамеренными). Ключевым актором преобразований выступала партия (слившаяся с государственными институтами и функционально заменившая их). Именно партийные директивы определяли цель, ход и характер преобразований (в частности работа комиссии, регулирующей ход коллективизации, осуществлялась в высших партийных органах (Трагедия, 2000, с. 35–86), ключевые документы, регламентирующие реализацию коллективизации издавались от имени ЦК ВКП(б) (Трагедия, 2000, с. 85–86, 126–130; Коллективизация, 2009, с. 201)). Партия же (в том числе через не партийные, но подконтрольные ей институты) контролировала и обеспечивала процесс «преобразования» сельского социума.

Обратимся к анализу реализации глобального преобразовательного проекта на наличие в нем декларируемого модернизационного потенциала. Потребность преобразований «сверху» возникает, когда становится очевидным отставание, угрожающее (или кажущееся угрозой) целостности политической системы. Правящая элита берет на себя обязательства по ликвидации подобного отставания. Только политическая элита определяет, *какие черты социума и тенденции его развития являются приемлемыми* для будущего развития, а какие – нет. Инициативы правящей элиты не являются ответом на потребности общества; наоборот, они направлены на регулирование развития общества и его потребностей [Дудник, 2019, с. 397]. Между социумом и институтами власти в такой ситуации нет конструктивной обрат-

---

² Определение «высокого модернизма» Дж. Скотт заимствует у Дэвида Харви: «Вера в линейный прогресс, в абсолютные истины и рациональное планирование идеального социального порядка при стандартизированных условиях знания и производства...» (см.: The Condition of Post-Modernity: An Enquiry into the Origins of Social Change. Oxford: Basil Blackwell, 1989, p. 35; цит. по: [Скотт, 2005, с. 169]).

ной связи, социум является объектом преобразований, может претендовать только на ограниченное проявление своей субъектности, границы которой к тому же задаются самой властью. Это *первая «ловушка»*³ «революции сверху» – точечность преобразований.

«Революция сверху» в деревне реализовывалась параллельно с начавшимся ранее процессом индустриализации в городе, требующим громадных финансовых ресурсов. Внешние заимствования были для СССР практически недоступны, внутри страны накоплений капитала в достаточной мере не было. «Донорский» статус деревни по отношению к городу признавался публично на высшем уровне начиная с лета 1928 г.: «Наша страна <...> не может заниматься грабежом колоний и ограблением чужих стран <...> наша страна не имеет кабальных займов извне <...> Остается одно: развивать промышленность, индустриализовать страну за счет внутреннего накопления <...> оно [крестьянство] платит государству не только обычные налоги <...> но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности <...> недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты <...> Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии <...> Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога...» (Сталин, 1949, с. 157).

Так мы обозначаем *вторую «ловушку»* «революции сверху» – отсутствие достаточного объема денежных ресурсов для радикальных преобразований в городе, положение ресурсного донора деревни по отношению к городу, что предполагало дисбаланс развития базовых отраслей экономики.

Декларируемая большевиками модернизационная модель должна была быть реализована в краткие сроки (Сталин, 1951, с. 39), из чего вытекала необходимость использования инструментов *чрезвычайности* и *мобилизации*. Эти меры превращаются из способа решения и преодоления экстремальных и экстраординарных проблем в *основную и необходимую составляющую сталинской системы*. Подобная организация партийно-государственного управления становилась носителем и источником институционального кризиса [Данилов, 1999, с. 15], находившего выражение в постоянном воспроизводстве однажды введенных чрезвычайных мер, требовавших преодоления конкретного кризиса, что влекло за собой порождение очередного.

Политика чрезвычайных мер в определенных ситуациях действительно является единственно возможной, в то время как состояние «чрезвычайщины» вызывается стремлением того или иного режима *любой ценой удержать власть*. Главными критериями перехода этой границы являются: обращение к массовому террору как форме управления; подчинение регулярных органов управления чрезвычайным, карательно-репрессивным; внесудебный порядок рассмотрения дел; объявление части общества «врагами народа» [Бордюгов, 2011].

Своеобразная нормализация чрезвычайности становится *третьей «ловушкой»*. Эта «ловушка» имеет еще одно последствие – неуправляемость. Маховик «чрезвычайщины» раскручивается сильнее при движении вниз по «вертикали» власти и по мере удаления от центра к периферии. В то же время «чрезвычайщина» не могла надолго переступить через определенный предел, не могла не откатываться периодически назад, создавая ощущение нормализации общественной жизни [Бордюгов, Козлов, 1992, с. 182]. Хрестоматийным примером таких «откатов» следует считать статью Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930 г.) (Советская Сибирь, 1930, 4 марта, с. 1). То, что в дискурсе власти обозначалось как «перегибы», будучи эвфемизмом, маскировало эксцессы исполнителей, агентов власти на местах, предоставляло партийному государству значительный ресурс для манипулирования и снятия социально-политической напряженности в кризисных ситуациях.

Чрезвычайность выгодна институтам власти тем, что она открывает для последних ряд возможностей, *при нормальном положении дел недоступных*. «Чрезвычайщина» формирует правовую и правоприменительную основы для «новой реальности». Чрезвычайность актуализирует практику мобилизации. Практика мобилизации, *изначально предназначенная для*

³ «Ловушки» в данном контексте означают те препятствия, которые предопределили архаичное исполнение, казалось бы, модернистского проекта большевиков.

решения частной проблемы, требующей дополнительных ресурсов, также рутинизировалась, превращаясь в один из ключевых методов строительства «социализма». Ключевыми характеристиками социальной мобилизации сталинского образца являлись экстраординарность, ресурсозатратность, масштабность и массовость, высокая степень милитаризма и антагонизма.

В то же время «революция сверху» имеет ограниченный потенциал – и это ее *четвертая «ловушка»*. Выше отмечалось, что именно элиты определяют, какие черты социума и тенденции его развития являются приемлемыми для будущего развития, а какие – нет. Те же элиты определяют и «границы» преобразований – такая управляемая (и направляемая) «революция» *останавливается там, где сохранение господствующего положения элит оказывается под угрозой*.

Монополия на «реформирование» остается у большевистской элиты, а в условиях ожидаемой войны со стороны «капиталистического окружения», в условиях переформатирования политической системы на тоталитарных началах любое инакомыслие и инакодействие по отношению к большевистским планам представляется в качестве угрозы как по отношению к элитам, так и по отношению к социуму вообще. Такая ситуация приводила к информационному вакууму принимающих ключевые решения политических акторов и, как следствие, к принятию политических решений, не всегда релевантных по отношению к текущим социально-экономическим реалиям.

Обозначенные выше «ловушки» «революции сверху» приводят к *пятой – непредвиденным последствиям*. Р. К. Мертон [2009] выделяет четыре фактора, приводящих к непреднамеренным результатам преднамеренного социального действия: «знание / незнание» ситуации; ошибки оценки ситуации; императивность ближайшего интереса; выход действий за пределы той области / сферы, для которой оно предназначалось.

Первый фактор свидетельствовал о недостатке имевшегося у политической элиты к 1930 г. опыта в том, как организовать массовое и в то же время эффективное сельскохозяйственное производство на обобщественных началах. Так, форсированное формирование ранее не существовавшего в деревне коллективного животноводства в сочетании с крестьянским протестным поведением (убой личного скота) привело к громадным потерям поголовья скота и лошадей, что был вынужден признать сам Сталин в отчетном докладе на XVII Съезде в 1934 г., правда, списав это прежде всего на действия «кулаков» (Сталин, 1951, с. 282–379). Однако и после «ликвидации» последних урон в сфере животноводства не был восстановлен до конца 1930-х гг.

Второй фактор проявился в попытке воспроизводства на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. натиска города на деревню путем мобилизационных кампаний для воздействия на крестьянство (командирование членов партии, рабочих, 25-тысячников, уполномоченных и т. д.). Л. М. Каганович в выступлении на XVI Съезде летом 1930 г. сообщал, что партия с 1928 г. направила для работы в деревню на различные сроки около 250 тыс. чел. (XVI Съезд, 1930, с. 67). В то же время современные исследования показывают, что агенты власти из города в немалой степени отторгались крестьянской средой как «чужие» [Троценко, 2013; Игнатьева, 2023].

Третий фактор – императив ближайшего интереса («здесь и сейчас», «всё и сразу»), возможно, в наибольшей степени аккумулировал в себе задачу достижения чрезвычайной в самой постановке цели «сплошной коллективизации» в кратчайшие сроки, в чрезвычайной обстановке, чрезвычайными методами, не считаясь с реальными ресурсами и возможностями, которыми власть располагала, приступая к радикальной этатизации деревни.

Четвертый фактор – это деструктивное воздействие радикальной этатизации аграрной экономики на другие секторы экономики и жизненный уровень населения: деградация сельского хозяйства влияла на недобор сырья и продуктов для легкой и пищевой промышленности, на объемы и структуру экспортных поставок, на устойчивую текучесть кадров в индустриальных секторах экономики, на неизбежность введения и длительного действия карточной

системы для городов, на снижение общего жизненного уровня населения в 1930-е гг. и т. д. [Кесслер, 2003; Ханин, 2022].

В силу специфики преобразований (действие «ловушек») последние имеют специфическую реализацию: формируется крайне уязвимая и полностью зависимая от партийного государства экономическая система, происходят катастрофические социальные и демографические последствия, трансформируется (в недемократическую плоскость) политический режим. Такой опыт «модернизации» имел лишь поверхностный характер, консервируя и архайзируя ряд тенденций развития социума. Модернизация не осознавалась во всей ее сложности, как многосторонняя и глубинная перестройка всего социального тела, а становилась чуть ли не синонимом одного лишь промышленно-технического прогресса, который можно было сочетать с сохранением социальной архаики [Вишневский, 1998, с. 32].

В то же время существуют и более гибкие в своем объяснении модернизационных процессов построения, вводящие понятие множественной модерности, т. е. вариативности процессов в зависимости от специфики ее реализации в разных странах. Сторонники данной концепции оперируют более удачным понятием – «модерность», а не «модернизация» и предлагают альтернативный путь в рассмотрении дихотомии модерн / архаика применительно к оценке советского опыта в ходе трансформации от традиционного к индустриальному типу общества. Так, М. Дэвид-Фокс в дискуссии о наличии / отсутствии модерности в советском проекте предлагает «третий путь», рассматривая советский коммунизм как «альтернативный» капитализму, но провалившийся проект («несостоявшаяся модерность») [Дэвид-Фокс, 2020]. Опыт преобразований в СССР он определяет как *интеллектуально-элитарную модерность* [Там же, с. 27].

Применительно к «революции сверху» как исходной точке преобразований, вне зависимости от приведенных выше трактовок – от модернизационных до контрмодернизационных, на наш взгляд, корректнее говорить о *процессе форсированной этатизации*, логично вписывающемся в канву общей логики перестраивания всех сфер социума с конца 1920-х до начала 1940-х гг. Под этатизацией мы понимаем процесс усиления государственного вмешательства в духовную, социальную, экономическую сферы общества. Такие тенденции присущи развивающимся обществам, которые характеризуются всепроникающей способностью государства контролировать все стороны жизнедеятельности человека.

На микроуровне процесс этатизации мы понимаем, следуя неомарксистской концепции Анри Лефевра (цит. по: [Шихардин, 2008]). Лефевр рассматривает этатизацию как процесс, усиливающий отчуждение индивида в сфере политических отношений. Политическое отчуждение определяется Лефевром как «отчуждение в государстве и при помощи государства», суть которого заключается в разрушении целостности, фрагментации человека. В процессе такой этатизации индивид перестает интересоваться делами государства, не обнаруживает стремления контролировать государственные институты, принимать участие в политическом процессе. Должностные лица отождествляют себя с государством, стремятся использовать его в собственных интересах либо служат ему как некому безликому механизму, а вовсе не индивидам, образующим гражданское общество. Бюрократическая система «узурпирует идентичность», выдвигая национальную (государственную / партийную) идею и добиваясь от граждан самоидентификации с ней.

Этатизация на микроуровне коррелирует с процессом *атомизации* социума. Процесс усиления государства в жизни социума снижает значение / разрушает горизонтальные связи, лишает индивидов и социальные группы гражданской и правовой субъектности, что вкупе с соответствующей пропагандистской работой приводило к снижению потенциала консолидации «снизу» и противостояния власти.

Для установления причин и методов реализации этатизации необходимо принимать во внимание одну из ключевых проблем власти большевиков в 1920-е гг., лежащую в плоскости легитимности. Противоречие / разрыв между самолегитимацией / легальностью власти и ре-

альной ее легитимностью было стержнем процессов и событий 1920-х гг. [Красильников, 2021, с. 47].

Авторы, исследующие данную тематику (О. В. Великанова, О. С. Березкина), формулируют следующие признаки кризиса легитимности власти: ограниченные возможности всеохватной индоктринации общественного сознания населения; состояние разрыва между пропагандой и социальной реальностью, между верхами и партийной массой, между ожиданиями преференций для пролетариата и реальным положением рабочих; кризисные явления в настроениях и поведении не только пролетарского «ядра власти», но и внутри самой партии (цит. по: [Красильников, 2021, с. 48]).

К вышеизложенным признакам кризиса легитимности власти следует добавить: проявления институционального кризиса (противоречия и конфликты между различными политическими акторами на местах, кадровый кризис на местах); доминирование императива ближайшего интереса, который вкупе с санкцией на вседозволенность в реализации директив также снижал авторитет власти и приводил к проявлениям произвола со стороны агентов власти; неумение политической элитой признавать собственные ошибки и провалы.

Кризис легитимности власти стал одной из причин перехода к *радикальному* характеру этатизации деревни. Процесс этатизации был масштабным и форсированным. Реализовать такой процесс стало возможно при использовании следующих инструментов:

- радикализация как процесс обострения социальных отношений;
- радикализм как политика.

В большинстве современных политических и социальных исследованиях радикализация рассматривается в рамках изучения экстремизма и терроризма. Иначе на этот процесс смотрит Алекс Шмид⁴, американский политолог, сотрудник Международного центра по борьбе с терроризмом [Schmid, 2013]. Предложенное им понимание радикализации мы будем использовать далее.

Сам процесс радикализации Шмид определяет следующим образом: индивидуальный или коллективный процесс, при котором, как правило, в ситуации политической поляризации, становятся невозможны нормальная практика диалога, компромисса и терпимости между политическими субъектами и группами с расходящимися интересами. Одной или обеими сторонами в конфликтной диаде отбрасываются возможности конструктивного взаимодействия в пользу растущей приверженности конфронтационной тактике ведения конфликта. Существующая система власти в процессе радикализации больше не признается приемлемой или законной (для большевиков неприемлема существующая система единоличных хозяйств в деревне, для большинства крестьян – неприемлемы формы коммунистического хозяйства (или же методы перехода к ним)).

Отмечает Шмид и то, что радикализация происходит не только «снизу». Использование механизмов карательно-репрессивной системы и внесудебных решений для достижения политических целей приводит к тому, что актором радикализации становятся *государственные субъекты* [Ibid., p. 5]. Шмид дает определение процессу радикализации как социальному процессу и определяет акторов радикализации. Мы же предлагаем расширить понимание этого термина и рассматривать радикализацию не только как процесс, но и как политику.

Под радикализацией как социальным процессом мы понимаем данное выше определение Шмида. Тот же процесс описан в теории социального конфликта американского социолога Льюиса Козера. Он делает различие между конфликтами по поводу общих базовых принципов и конфликтами при наличии общих базовых принципов [Козер, 2000, с. 97] (нереалистичные и реалистичные конфликты соответственно). В условиях радикальной этатизации противоречия между институтами власти и социумом разворачивались по первому типу, что лишало возможности конструктивного развития такого вектора отношений. Разрешение нереалистичных конфликтов невозможно, поэтому становится актуальна роль так называемых «защитных клапанов» [Там же, с. 60–71] – институтов, которые канализируют враждебные

⁴ Подробнее об исследователе: <https://www.icct.nl/people/prof-em-alex-p-schmid>.

чувства (образ «врага» как константа политического дискурса, практика регулярных «чисток», остракизм по отношению к отдельным социальным группам и индивидам, нетерпимость к инаковости и пр.). Однако такая ситуация неизбежно ведет к фрустрации, накоплению оснований для конфликтов, враждебных чувств, представляющих собой *реальную угрозу* (прежде всего легитимности власти) базовому консенсусу.

Радикализация социальных отношений приобрела размах «квазигражданской» [Виола, 2010, с. 8] войны (в публичном дискурсе «классовой борьбы») – конфликта культур, в котором политические власти стремились установить свое господство над деревней. Радикализация социальных отношений проявлялась в аномии, высокой степени фрустрации членов социума, росте криминогенного фактора, росте численности самоубийств (в том числе агентов власти), социальной эксклюзии, депривации, высоком уровне тревожности индивидов и пр.

Радикализм (как политика) – это специфическая форма разрешения социальных конфликтов, форма трансформации социальной системы на качественно новый уровень / создания новой социальной системы. Радикализм в политике выражался в следующем: «чрезвычайщина», конфронтация, дискриминация определенных социальных групп, социальный инжиниринг, форсирование преобразований, отречение от предшествующего исторического опыта, игнорирование текущих социальных и экономической реалий, императив ближайшего интереса в достижении поставленных целей, санкция на вседозволенность в процессе реализации партийных директив.

Акторами радикализации социальных отношений являлись в первую очередь партийные и советские органы власти (на всех уровнях «вертикали» власти), а также органы ОГПУ. Органы власти способствовали радикализации этатизации по следующим направлениям: направление тенденциозного информационного потока в высшие органы власти; формирование нормативной базы преобразований, допускающей злоупотребления и широкие правоприменительные рамки; исполнение директив с применением чрезвычайных и мобилизационных мер.

Радикализм нетерпим к обсуждениям и дискуссиям, не признает альтернативности «инаковости», не считается с ошибками и следствиями волюнтаристской политики. Радикализм как способ преобразования вполне соответствовал сложившейся системе (мобилизация, охранительность, индоктринация, монополия на информационное пространство) и идеологическому наполнению.

Практика революционного насилия во имя установления социальной справедливости сначала всячески поддерживалась и разжигалась большевистской властью, а потом была использована ею для своего укрепления. Насилие со стороны власти вызывало ответную реакцию – ожесточенное крестьянское сопротивление в различных его формах. В ответ на это разворачивался новый виток репрессий по отношению к деревне. И так до тех пор, пока «социалистическая реконструкция деревни» не завершится.

«Революция сверху» оказала деструктивное влияние на социальную структуру: конфликтность, высокий показатель социальной напряженности, возрастающая динамика конфликтов с применением физического насилия, физическая / социальная ликвидация социальных групп населения, провоцирование конфликтов в социуме, искусственная и насильственная дифференциация населения, жесткое и жестокое подавление протестного потенциала, перевод последнего в пассивные формы, оказывающие более травмирующее влияние как на отдельного индивида, так и на социум в целом. Деревня была возвращена в дорыночные времена, в эпоху внеэкономического принуждения, личной зависимости, полного бесправия крестьянина. Крестьяне превратились в сельских пролетариев, а сельское хозяйство – во внутреннюю колонию, обеспечивающую нужды индустриализации.

В силу чрезвычайности, экстраординарности и преобладающей мобилизационности «сверху» о конструктивности и эффективности сталинской системы власти говорить не приходится. Последняя оказалась невероятно ресурсозатратной, немобильной и нежизнеспособной в длительной перспективе.

Проект радикальной этатизации деревни содержал в себе *масштабный социальный* конфликт между интересами институтов власти и раннесоветского социума, конфликт нереалистический и априори не имеющий конструктивного вектора решения проблемы, что и предопределило радикальный характер преобразований. Что касается вопроса о цене социально-аграрных преобразований и их последствиях, то они оказывались деструктивны не только для социума, но и для формировавшейся сталинской системы власти, поскольку для ее утверждения и воспроизводства непрерывно требовались мобилизационно-охранительные факторы в избыточных формах и масштабах.

Список литературы

- Бордюгов Г. А.** Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 2. С. 62–72.
- Бордюгов Г. А., Козлов В. А.** История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Госполитиздат, 1992. 352 с.
- Виола Л.** Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 366 с.
- Вишневецкий А. Г.** Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 429 с.
- Данилов В. П.** Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. (Шестой) Междунар. симпозиум, 15–16 янв. 1999 г. М., 1999. С. 11–27.
- Данилов В. П.** К проблеме альтернатив 20-х годов // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: В 2 ч. М., 2011. Ч. 2. С. 724–741.
- Дудник С. И.** Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник С.-Петербург. ун-та. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 3. С. 394–405.
- Дэвид-Фокс М.** Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛЮ, 2020. 456 с.
- Ивницкий Н. А.** Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.
- Ивницкий Н. А.** Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, Ун-т Торонто, 2000. 350 с.
- Игнатьева Е. А.** Деятельность в мобилизационном режиме: агенты власти в сибирской деревне в 1929–1930-х годах // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 105–115.
- Кара-Мурза С. Г.** Советская цивилизация от начала до Великой Победы. М.: Эксмо, 2004. 637 с.
- Кесслер Х.** Коллективизация и бегство из деревни – социально-экономические показатели. 1929–1939 гг. // Экономическая история. Обзорение. М., 2003. Вып. 9. С. 77–79.
- Козер Л.** Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.
- Красильников С. А.** Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4 (562). С. 45–70. DOI 10.30680/ЕСО01317652-2021-4-45-70
- Мертон Р. К.** Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.
- Озерова О. А.** Внутрипартийное сопротивление чрезвычайной политике в Западной Сибири (1928–1930 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 231 с.
- Сеняевский А. С.** Социальная динамика России в XX веке // Этот противоречивый XX век: к 80-летию со дня рождения акад. Ю. А. Полякова. М., 2001. С. 283–297.
- Скотт Дж.** Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005. 566 с.
- Тепляков А. Г.** ОГПУ–НКВД против крестьянства: общее и особенное в «массовых операциях» начала 1930-х гг. и «кулацкой операции» 1937–1938 гг. // 1929: «Великий перелом»

и его последствия: Материалы XII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.). М., 2020. С. 221–230.

- Троценко Н. Д.** Двадцатипятидесятники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). Новосибирск, 2013. С. 109–177.
- Фицпатрик Ш.** Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
- Ханин Г. И.** Три варианта первого пятилетнего плана: от реализма к утопии // Terra Economicus. 2022. № 20 (3). С. 52–71.
- Шихардин Н. В.** Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, № 3. С. 166–171.
- Schmid A. P.** Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review // The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague Research Paper. March 2013. Vol. 4, no. 2. 97 p. DOI 10.19165/2013.1.02

Список источников

- XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1930. 786 с.
- Коллективизация сибирской деревни. Январь – май 1930 г.: Сб. док. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.
- Краткий курс истории ВКП(б). М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1946. 352 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: 1923–1929. 1168 с.; 2003. Т. 3: 1930–1934 гг. Кн. 1. 864 с.
- Советская Сибирь. 1930. № 52. 4 марта.
- Сталин И. В.** Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1949. Т. 11. 382 с.; 1951. Т. 13. 448 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 927 с.

References

- Bordyugov G. A.** Politika chrezvychainykh mer v resheniyakh Politbyuro TsK VKP(b) mezhdru “revolyutsiei sverkh” i bol’shim terrorom. 1930–1936 gg. [The Emergency Policies in Decisions of the Communist Central Committee Politburo between “Revolution from above” and the Great Terror, 1930–1936]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii [RUDN Journal of Russian History]*, 2011, no. 2, pp. 62–72. (in Russ.)
- Bordyugov G. A., Kozlov V. A.** Istoriya i kon’yunktura: sub’ektivnye zametki ob istorii sovet-skogo obshchestva [History and Conjuncture: Subjective Notes on the History of Soviet Society]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1992, 352 p. (in Russ.)
- Danilov V. P.** K probleme al’ternativ 20-kh godov [On the Alternatives of the 1920s]. In: Danilov V. P. Istoriya krest’yanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy [History of Russian Peasantry in the 20th Century. Selected Works]. In 2 parts. Moscow, 2011, pt. 2, pp. 724–741. (in Russ.)
- Danilov V. P.** Padenie sovetского obshchestva: kollaps, institutsional’nyi krizis ili termidorianskii perevorot? [The Fall of Soviet Society: Collapse, Institutional Crisis or Thermidorian Reaction?]. In: Kuda idet Rossiya?.. Krizis institutsional’nykh sistem: Vek, desyatiletie, god. (Shestoi) Mezhdunarodnyi simpozium, 15–16 yanvarya 1999 g. [Where is Russia Going?.. Crisis of Institutional Systems: Century, Decade, Year. (Sixth) International Symposium, January 15–16, 1999]. Moscow, 1999, pp. 11–27. (in Russ.)
- David-Fox M.** Persekaya granitsy: modernost’, ideologiya i kul’tura v Rossii i Sovetskom Soyuze [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow, NLO Publ., 2020, 456 p. (in Russ.)
- Dudnik S. I.** Stalinskaya modernizatsiya kak istoricheskii opyt [Stalin’s Modernization as a Historical Experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya [Vest-*

- nik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*], 2019, vol. 35, iss. 3, pp. 394–405. (in Russ.)
- Fitzpatrick Sh.** Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 422 p. (in Russ.)
- Ignatieva E. A.** Deyatel'nost' v mobilizatsionnom rezhime: agenty vlasti v sibirskoi derevne v 1929–1930-kh godakh [Activity in the Mobilization Regime: Agents of Power in the Siberian Village in 1929–1930]. *Istoricheskii kur'er [Historical Courier]*, 2023, no. 1 (27), pp. 105–115. (in Russ.)
- Ivnitsky N. A.** Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh gg.) [Collectivization and Dispossession in the Early 1930s]. Moscow, Interpraks Publ., 1994, 267 p. (in Russ.)
- Ivnitsky N. A.** Repressivnaya politika sovetskoi vlasti v derevne (1928–1933 gg.) [The Repressive Policy of the Soviet Government in the Countryside (1928–1933)], Moscow, IRI RAN, Uni. of Toronto, 2000, 350 p. (in Russ.)
- Kara-Murza S. G.** Sovetskaya tsivilizatsiya ot nachala do Velikoi Pobedy [The Soviet Civilization from the Beginning to the Great Victory]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 637 p. (in Russ.)
- Kessler H.** Kollektivizatsiya i begstvo iz derevni – sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Collectivization and Fleeing from Countryside – Socio-Economic Indicators, 1929–1939]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [Economic History Review]*. Moscow, 2003, vol. 9, pp. 77–79. (in Russ.)
- Khanin G. I.** Tri varianta pervogo pyatiletnego plana: ot realizma k utopii [From Realism to Utopia: The Three Versions of the Soviet Union's First Five-year Plan]. *Terra Economicus*, 2022, no. 20 (3), pp. 52–71. (in Russ.)
- Kozer L.** Funktsii sotsial'nogo konflikta [The Functions of Social Conflict]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000, 205 p. (in Russ.)
- Krasilnikov S. A.** Krizisy vlasti i trudovye konflikty v period nepa [Power Crises and Labor Conflicts during the NEP Period]. *ECO*, 2021, no. 4 (562), pp. 45–70. (in Russ.) DOI 10.30680/ECO01317652-2021-4-45-70
- Merton R. K.** Neprednamerennye posledstviya prednamerennogo sotsial'nogo deistviya [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 2009, no. 2, pp. 5–17. (in Russ.)
- Ozerova O. A.** Vnutripartiinoe soprotivlenie chrezvychainoi politike v Zapadnoi Sibiri (1928–1930 gg.) [Internal Party Resistance to Extraordinary Policy in Western Siberia (1928–1930)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Omsk, 2004, 231 p. (in Russ.)
- Schmid A. P.** Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. *The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague Research Paper*. March 2013, vol. 4, no. 2, 97 p. DOI 10.19165/2013.1.02
- Scott J.** Blagimi namereniyami gosudarstva [Paved with Good Intentions of State]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2005, 566 p. (in Russ.)
- Senyavsky A. S.** Sotsial'naya dinamika Rossii v XX veke [Social Dynamics of Russia in the 20th Century] In: *Etot protivorechivyi XX vek: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Yu. A. Polyakova [This Controversial 20th Century: To the 80th Anniversary of the Birth of Academician Yu. A. Polyakov]*. Moscow, 2001, pp. 283–297. (in Russ.)
- Shikhardin N. V.** Kontsepsiya etatizatsii: A. Lefevr i L. Al'tyusser [Conception of Etatisation: H. Lefebvre and L. Althusser]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2008, vol. 6, no. 3, pp. 166–171. (in Russ.)
- Teplyakov A. G.** OGPU–NKVD protiv krest'yanstva: obshchee i osobennoe v “massovykh operatsiyakh” nachala 1930-kh gg. i “kulatskoi operatsii” 1937–1938 gg. [Joint State Political Directorate (OGPU) – People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) against the Peasantry: General and Special in the “Mass Operations” of the Early 1930s and the “Kulak operation” of 1937–1938]. In: *1929: “Velikii perelom” i ego posledstviya: Materialy XII Mezhdunarodnoi*

nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 26–28 sentyabrya 2019 g.). [1929: “Great break” and its Consequences: Proceedings of the 12th International Scientific Conference (Yekaterinburg, September 26–28, 2019)]. Moscow, 2020, pp. 221–230. (in Russ.)

Trotsenko N. D. Dvadsatipyatitsyachniki v Sibiri (1929–1933 gg.) [The 25-thousanders in Siberia (1929–1933)] In: Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.) [Social Mobilization in Stalinist Society (Late 1920s – 1930s)]. Novosibirsk, 2013, pp. 109–177. (in Russ.)

Viola L. Krest'yanskii bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya [Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 366 p. (in Russ.)

Vishnevsky A. G. Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, OGI Publ., 1998, 429 p. (in Russ.)

List of Sources

XVI S'ezd Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (b). Stenograficheskii otchet [16th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Stenographic Report]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1930, 786 p. (in Russ.)

Kollektivizatsiya sibirskoi derevni. Yanvar' – mai 1930 g.: Sbornik dokumentov [The Collectivization of the Siberian Countryside. January – May 1930: Collection of Documents]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 2009, 488 p. (in Russ.)

Kratkii kurs istorii VKP(b) [History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks)], Moscow, OGI Publ., 1946, 352 p. (in Russ.)

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [Soviet Village through the Eyes of the All-Russian Extraordinary Commission (VChk) – Joint State Political Directorate (OGPU) – People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD). 1918–1939. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, vol. 2. 1923–1929, 1168 p.; 2003, vol. 3. 1930–1934, book 1, 864 p. (in Russ.)

Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia], 1930, no. 52, Mar. 4. (in Russ.)

Stalin I. V. Sochineniya [Works]. Moscow, OGI, Gospolitizdat Publ., 1949, vol. 11, 382 p.; 1951, vol. 13, 448 p. (in Russ.)

Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy [The Tragedy of the Soviet Countryside. Collectivization and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, vol. 2, 927 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Евгения Андреевна Игнатъева

RSCI Author ID 1077217

SPIN 6426-6450

Information about the Author

Evgeniya A. Ignatieva

RSCI Author ID 1077217

SPIN 6426-6450

Статья поступила в редакцию 06.08.2024;

одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted on 06.08.2024;

approved after reviewing on 30.08.2024; accepted for publication on 01.10.2024